

СЛОНЁНОК

Вотдалённые времена, милые мои, слон не имел хобота. У него был только черноватый толстый нос, величиною с сапог, который качался из стороны в сторону, и поднимать им слон ничего не мог. Но появился на свете один слон, молоденький слон, слонёнок, который отличался неугомонным любопытством и поминутно задавал какие-нибудь вопросы. Он жил в Африке и всю Африку одолевал своим любопытством. Он спрашивал своего высокого дядю страуса, отчего у него перья растут на хвосте; высокий дядя страус за это бил его своей твёрдой-претвёрдой лапой. Он спрашивал свою высокую тётю жирафу, отчего у неё шкура пятнистая; высокая тётя жирафа за это била его своим твёрдым-претвёрдым копытом. И всё-таки любопытство его не унималось! Он спрашивал своего толстого дядю гиппопотама, отчего у него глаза красные; толстый дядя гиппопотам за это бил его своим широким-прешироким копытом. Он спрашивал своего волосатого дядю павиана, отчего дыни имеют такой, а не иной вкус; волосатый дядя павиан за это бил его своей мохнатой-премохнатой рукой.

И всё-таки любопытство его не унималось! Он задавал вопросы обо всём, что только видел, слышал, пробовал, нюхал, щупал, а все дядюшки и тётушки за это били его. И всё-таки любопытство его не унималось!

В одно прекрасное утро перед весенним равноденствием¹ неугомонный слонёнок задал новый странный вопрос. Он спросил:

— Что у крокодила бывает на обед?

Все громко закричали «шш» и принялись долго, безостановочно бить его.

Когда наконец его оставили в покое, слонёнок увидел птицу коло-коло, сидевшую на кусте терновника, и сказал:

— Отец бил меня, мать била меня, дядюшки и тётушки били меня за неугомонное любопытство, а я всё-таки хочу знать, что у крокодила бывает на обед!

Птица коло-коло мрачно каркнула ему в ответ:

— Ступай на берег большой серо-зелёной мутной реки Лимпопо, где растут деревья лихорадки, и сам посмотри!

На следующее утро, когда равноденствие уже окончилось, неугомонный слонёнок взял сто фунтов² бананов (мелких с красной кожицей), сто

---

¹ Весеннее равноденствие наступает 20–21 марта. В этот день долгота дня и ночи одинакова.

² Фунт — английская мера веса, равная 454 граммам. Значит, слонёнок взял почти по 45 с половиной килограммов бананов и сахарного тростника.

фунтов сахарного тростника (длинного с тёмной корой) и семнадцать дынь (зелёных, хрустящих) и заявил своим милым родичам:

— Прощайте! Я иду к большой серо-зелёной мутной реке Лимпопо, где растут деревья лихорадки, чтобы узнать, что у крокодила бывает на обед.

Он ушёл, немного разгорячённый, но несколько не удивлённый. По дороге он ел дыни, а корки бросал, так как не мог их подбирать.

Шёл он, шёл на северо-восток и всё ел дыни, пока не пришёл на берег большой серо-зелёной мутной реки Лимпопо, где растут деревья лихорадки, как ему говорила птица колоколо.

Надо вам сказать, милые мои, что до той самой недели, до того самого дня, до того самого часа, до той самой минуты неугомонный слонёнок никогда не видал крокодила и даже не знал, как он выглядит.

Первый, кто попался слонёнку на глаза, был двухцветный питон (огромная змея), обвившийся вокруг скалистой глыбы.

— Простите, — вежливо сказал слонёнок, — не видали ли вы в этих краях крокодила?

— Не видал ли я крокодила? — гневно воскликнул питон. — Что за вопрос?

— Простите, — повторил слонёнок, — но не можете ли вы сказать мне, что у крокодила бывает на обед?

Двухцветный питон мгновенно развернулся и стал бить слонёнка своим тяжёлым-претяжёлым хвостом.

— Странно! — заметил слонёнок. — Отец и мать, родной дядюшка и родная тётушка, не говоря уже о другом дяде гиппопотаме и третьем дяде павиане, все били меня за неугомонное любопытство. Вероятно, и теперь мне за это же достаётся.

Он вежливо попрощался с питоном, помог ему опять обвиться вокруг скалистой глыбы и пошёл дальше, немного разгорячённый, но нисколько не удивлённый. По дороге он ел дыни, а корки бросал, так как не мог их подбирать. У самого берега большой серо-зелёной мутной реки Лимпопо он наступил на что-то, показавшееся ему бревном.

Однако в действительности это был крокодил. Да, милые мои. И крокодил подмигнул глазом — вот так.

— Простите, — вежливо сказал слонёнок, — не случилось ли вам в этих краях встречать крокодила?

Тогда крокодил прищурил другой глаз и наполовину высунул хвост из тины. Слонёнок вежливо попятился; ему вовсе не хотелось, чтобы его опять побили.

— Иди сюда, малютка, — сказал крокодил. — Отчего ты об этом спрашиваешь?

— Простите, — вежливо ответил слонёнок, — но отец меня бил, мать меня била, не говоря уж

о дяде страусе и тётке жирафе, которая дерётся так же больно, как дядя гиппопотам и дядя павиан. Бил меня даже здесь, на берегу, двухцветный питон, а он своим тяжёлым-протяжёлым хвостом колотит больнее их всех. Если вам всё равно, то, пожалуйста, хоть вы меня не бейте.

— Иди сюда, малютка, — повторило чудовище. — Я — крокодил.

И в доказательство он залился крокодиловыми слезами.

У слонёнка от радости даже дух захватило. Он стал на колени и сказал:

— Вы тот, кого я ищу уже много дней. Будьте добры, скажите мне, что у вас бывает на обед?

— Иди сюда, малютка, — ответил крокодил, — я тебе скажу на ушко.

Слонёнок пригнул голову к зубастой, зловонной пасти крокодила. А крокодил схватил его за нос, который у слонёнка до того дня и часа был не больше сапога, хотя гораздо полезнее.

— Кажется, сегодня, — сказал крокодил сквозь зубы, вот так, — кажется, сегодня на обед у меня будет слонёнок.

Это вовсе не понравилось слонёнку, милые мои, и он сказал в нос — вот так:

— Не надо! Пустите!

Тогда двухцветный питон со своей скалистой глыбы прошипел:

— Мой юный друг, если ты сейчас не пришьёшься тянуть изо всех сил, то могу тебя уверить,

что твоё знакомство с большим кожаным мешком (он имел в виду крокодила) окончится для тебя плачевно.

Слонёнок сел на берег и стал тянуть, тянуть, тянуть, а его нос всё вытягивался. Крокодил барахтался в воде, взбивая белую пену хвостом, а слонёнок тянул, тянул, тянул.

Нос слонёнка продолжал вытягиваться. Слонёнок упёрся всеми четырьмя ногами и тянул, тянул, тянул, а его нос продолжал вытягиваться. Крокодил загребал хвостом воду, словно веслом, а слонёнок тянул, тянул, тянул. С каждой минутой нос его вытягивался — и как же ему было больно, ой-ой-ой!

Слонёнок почувствовал, что его ноги скользят, и сказал через нос, который у него теперь вытянулся аршина¹ на два:

— Знаете, это уже чересчур!

Тогда на помощь явился двухцветный питон. Он обвился двойным кольцом вокруг задних ног слонёнка и сказал:

— Безрассудный и опрометчивый юнец! Мы должны теперь хорошенько приналечь, иначе тот воин в латах (он имел в виду крокодила, милые мои) испортит тебе всю будущность.

Он тянул, и слонёнок тянул, и крокодил тянул. Но слонёнок и двухцветный питон тянули сильнее. Наконец крокодил выпустил нос слонёнка с та-

---

¹ Аршин — старинная мера длины, равная 71 сантиметру.

ким всплеском, который слышен был вдоль всей реки Лимпопо.

Слонёнок упал на спину. Однако он не забыл сейчас же поблагодарить двухцветного питона, а затем стал ухаживать за своим бедным вытянутым носом: обернул его свежими банановыми листьями и погрузил в большую серо-зелёную мутную реку Лимпопо.

— Что ты делаешь? — спросил двухцветный питон.

— Простите, — сказал слонёнок, — но мой нос совсем утратил свою форму, и я жду, чтобы он съёжился.

— Ну, тебе долго придётся ждать, — сказал двухцветный питон. — Удивительно, как иные не понимают собственного блага.

Три дня слонёнок сидел и ждал, чтобы его нос съёжился. А нос несколько не укорачивался и даже сделал ему глаза раскосыми. Вы понимаете, милые мои, что крокодил вытянул ему настоящий хобот — такой, какой и теперь бывает у слонов.

Под конец третьего дня какая-то муха укусила слонёнка в плечо. Сам не отдавая себе отчёта, он поднял хобот и прихлопнул муху насмерть.

— Преимущество первое! — заявил двухцветный питон. — Этого ты не мог бы сделать простым носом. Ну, теперь покушай немного!

Сам не отдавая себе отчёта, слонёнок протянул хобот, выдернул огромный пучок травы,

выколотил её о свои передние ноги и отправил к себе в рот.

— Преимущество второе! — заявил двухцветный питон. — Этого ты не мог бы сделать простым носом. Не находишь ли ты, что здесь солнце сильно припекает?

— Правда, — ответил слонёнок.

Сам не отдавая себе отчёта, он набрал тины из большой серо-зелёной мутной реки Лимпопо и выплеснул себе на голову. Получился грязевой чепчик, который растёкся за ушами.

— Преимущество третье! — заявил двухцветный питон. — Этого ты не мог бы сделать простым носом. А не хочешь ли быть битым?

— Простите меня, — ответил слонёнок, — во все не хочу.

— Ну, так не хочешь ли сам побить кого-нибудь? — продолжал двухцветный питон.

— Очень хочу, — сказал слонёнок.

— Хорошо. Вот увидишь, как для этого тебе пригодится твой новый нос, — объяснил двухцветный питон.

— Благодарю вас, — сказал слонёнок. — Я последую вашему совету. Теперь я отправлюсь к своим и на них испробую.

Слонёнок пошёл домой через всю Африку, крутя и вертя своим хоботом. Когда ему хотелось полакомиться плодами, он срывал их с дерева, а не ждал, как прежде, чтобы они сами упали. Когда ему хотелось травы, он, не нагибаясь, выдёргивал

её хоботом, а не ползал на коленях, как прежде. Когда мухи кусали его, он выламывал себе ветку и обмахивался ею. А когда солнце припекало, он делал себе новый прохладный чепчик из тины. Когда ему скучно было идти, он мурлыкал песенку, и через хобот она звучала громче медных труб. Он нарочно свернул с дороги, чтобы найти какого-нибудь толстого гиппопотама (не родственника) и хорошенько его отколотить. Слонёнку хотелось убедиться, прав ли двухцветный питон относительно его нового хобота. Всё время он подбирал корки дынь, которые побросал по дороге к Лимпопо: он отличался опрятностью.

В один тёмный вечер он вернулся к своим и, держа хобот кольцом, сказал:

— Здравствуйте!

Ему очень обрадовались и ответили:

— Иди-ка сюда, мы тебя побьём за неугомонное любопытство.

— Ба! — сказал слонёнок. — Вы вовсе не умеете бить. Зато посмотрите, как я дерусь.

Он развернул хобот и так ударил двух своих братьев, что они покатались кувырком.

— Ой-ой-ой! — воскликнули они. — Где ты научился таким штукакам?.. Постой, что у тебя на носу?

— Я получил новый нос от крокодила на берегу большой серо-зелёной мутной реки Лимпопо, — сказал слонёнок. — Я спросил, что у него бывает на обед, а он мне дал вот это.

— Некрасиво, — сказал волосатый дядя павиан.

— Правда, — ответил слонёнок, — зато очень удобно.

С этими словами он схватил своего волосатого дядю павиана за мохнатую руку и сунул его в гнездо шершней.

Затем слонёнок принялся бить других родственников. Они очень разгорячились и очень удивились. Слонёнок повыдергал у своего высокого дяди страуса хвостовые перья. Схватив свою высокую тётку жирафу за заднюю ногу, он проволоч её через кусты терновника. Слонёнок кричал на своего толстого дядюшку гиппопотама и задувал ему пузыри в ухо, когда тот после обеда спал в воде. Зато он никому не позволял обижать птицу коло-коло.

Отношения настолько обострились, что все родичи, один за другим, поспешили на берег большой серо-зелёной мутной реки Лимпопо, где растут деревья лихорадки, чтобы добыть себе у крокодила новые носы. Когда они вернулись назад, то больше никто уже не дрался. С той поры, милые мои, все слоны, которых вы увидите, и даже те, которых вы не увидите, имеют такие же хоботы, как неугомонный слонёнок.

КАК КИТ ПОЛУЧИЛ СВОЮ ГЛОТКУ

Некогда, милые мои, жил в море кит, и питался он рыбами и морскими животными. Он ел треску и камбалу, плотву и скатов, скумбрию и щуку, морских звёзд и крабов, а также настоящих выюнов-угрей. Он истребил всех рыб. Осталась в море только одна маленькая хитрая рыбка, но она всегда плавала около правого уха кита, так что он не мог её схватить. Дошло до того, что кит приподнялся на хвосте и сказал:

— Я есть хочу!

А маленькая хитрая рыбка лукаво спросила:

— Не случилось ли тебе, благородный и могучий кит, отведать человека?

— Нет, — ответил кит. — А разве он вкусный?

— Вкусный, — сказала маленькая хитрая рыбка, — только он очень приткий.

— Ну так добудь мне несколько штук, — приказал кит и, взмахнув хвостом, высоко взбил пену на гребнях волн.

— В один присест хватит и одного, — сказала хитрая рыбка. — Если ты поплывёшь дальше, то под пятидесятым градусом северной широты

и сороковым градусом восточной долготы ты найдёшь человека, сидящего на плоту среди моря. На нём синие холщовые шаровары и подтяжки (не забудьте про подтяжки, милые мои!), а в руках у него складной нож. Это моряк, потерпевший крушение, и, надо вам сказать, необыкновенно умный и рассудительный человек.

Кит плыл да плыл к пятидесятому градусу северной широты и сороковому градусу восточной долготы. Плыл он изо всех сил, и вот наконец среди моря он увидел на плоту человека в синих холщовых шароварах и подтяжках (помните особенно о подтяжках, милые мои!), со складным ножом в руках. Это был моряк, потерпевший крушение. Он сидел и болтал ногами в воде. (Ему мама позволила болтать ногами в воде, иначе он не стал бы этого делать, так как он был необыкновенно умный и рассудительный человек.)

Подплыв ближе, кит так разинул пасть, что она у него чуть не дошла до хвоста, и проглотил моряка, потерпевшего крушение, вместе с плотом, на котором он сидел, с синими холщовыми шароварами, подтяжками (о которых вы не должны забывать) и складным ножом. Он отправил всё это в своё глубокое, тёплое, тёмное нутро, причмокнул и три раза повернулся на своём хвосте.

Но как только моряк, человек необыкновенно умный и рассудительный, очутился в глубоком, тёплом, тёмном нутре кита, он тотчас же принялся прыгать, шмыгать, скакать, плясать, кувыркаться,

брыкаться, топать, хлопать, толкаться, кусаться, кричать, вздыхать, и кит почувствовал себя очень нехорошо. (Вы не забыли про подтяжки?)

Кит сказал хитрой рыбке:

— Ужасно прыткий этот человек. Он вызывает у меня икоту. Как мне быть с ним?

— Вели ему вылезть, — ответила хитрая рыбка.

Кит гаркнул в собственное нутро моряку, потерпевшему крушение:

— Выходи и ступай куда знаешь. У меня икота.

— Ну нет! — сказал моряк. — Не на таковско-го напал. Доставь меня к родным берегам, к белым скалам Альбиона¹, и тогда я ещё подумаю, выйти мне или нет.

И он принялся скакать пуще прежнего.

— Доставь уж его на родину, — посоветовала хитрая рыбка. — Я забыла тебя предупредить, что это необыкновенно умный и рассудительный человек.

Кит плыл, плыл, плыл, работая плавниками и хвостом настолько быстро, насколько ему позволяла икота. Наконец он увидел перед собой родину моряка и белые скалы Альбиона. Он до половины выскочил на берег и, широко разинув пасть, сказал:

— Здесь пересадка на Винчестер, Ашулот, Нашуа, Кин и другие станции Фитчбургской дороги.

---

¹ Альбион — старое название Британских островов.

Как только он произнёс «Фитч...», моряк выскочил из его пасти. Однако, пока кит плыл, моряк, который действительно был необыкновенно умным и рассудительным человеком, взял свой нож и разрезал плот на узкие дощечки, которые крепко связал подтяжками. (Теперь вы понимаете, милые мои, почему не надо было забывать о подтяжках!) Получилась сквозная решётка. Моряк её втиснул в глотку кита, где она и застряла. Тогда он произнёс двестише, которого вы, конечно, не знаете, а потому я вам его скажу:

Решётку я тебе всадил,
Чтоб ты меня не проглотил.

Хитрец был этот моряк! Он вышел на берег и отправился к своей матери, которая позволила ему болтать ногами в воде. Потом он женился и зажил счастливо. Кит тоже. Однако с того самого дня, как у него в горле застряла решётка, которую он не мог ни выплюнуть, ни проглотить, кит не мог питаться ничем, кроме мелких рыбок. Вот почему киты и теперь не едят ни взрослых людей, ни маленьких мальчиков и девочек.

А маленькая хитрая рыбка спряталась под воротами экватора. Она боялась, что кит на неё очень рассердится.

Моряк взял домой свой нож. Он вышел на берег в своих синих холщовых шароварах, но подтяжек на нём уже не было, так как он ими связал решётку.

Вот и сказке конец.

КАК НОСОРОГ ПОЛУЧИЛ СВОЮ КОЖУ

На необитаемом острове, у берегов Красного моря, жил да был парс¹. Он носил шляпу, от которой солнечные лучи отражались с чисто сказочным великолепием. У этого-то парса, который жил около Красного моря, только и было имущества, что шляпа, нож да жаровня (такая жаровня, каких детям обыкновенно не позволяют трогать). Однажды он взял муку, воду, коринку, сливы, сахар и ещё кое-какие припасы и состряпал себе пирог, имевший два фута² в поперечнике и три фута толщины. Это был удивительный, сказочный пирог! Парс поставил его на жаровню и пёк до тех пор, пока он не зарумянился и от него не пошёл аппетитный запах. Но лишь только парс собрался есть его, как вдруг из необитаемых дебрей вышел зверь с большим рогом на носу, с подслеповатыми глазками и неуклюжими движениями. В те времена у носорога кожа была совсем гладкая, без единой морщинки. Он как две капли воды похо-

¹ Пáрсы — один из народов, родственных древним иранцам.

² Фут — английская мера длины, равная 30,5 сантиметрам. Значит, пирог имел 61 сантиметр в поперечнике и был толщиной 91,5 сантиметра.

дил на носорога в игрушечном Ноевом ковчеге, только, конечно, был гораздо больше. Как тогда он не отличался ловкостью, так не отличается ею теперь и никогда не будет отличаться. Он сказал:

— Ууу!

Парс испугался, бросил пирог и полез на верхушку пальмы со своей шляпой, от которой лучи солнца отражались с чисто сказочным великолепием. Носорог перевернул жаровню, и пирог покатился на землю. Он поднял его своим рогом, скушал и, помахивая хвостом, ушёл в свои дебри, примыкающие к островам Мазендеран и Сокотора. Тогда парс слез с пальмы, подобрал жаровню и произнёс двустишие, которого вы, конечно, никогда не слышали, а потому я вам его скажу:

Припомнит тот, кто взял пирог,
Который парс себе испёк!

В этих словах заключалось гораздо больше смысла, чем вы полагаете.

Через пять недель у берегов Красного моря началась страшная жара. Люди снимали одежду, какая на них была. Парс снял свою шляпу, а носорог снял свою кожу и понёс её на плече, отправляясь купаться в море. В те времена она у него застегивалась внизу на три пуговицы, как дождевой плащ. Проходя мимо парса, он даже не вспомнил о пироге, который стащил у него и съел. Он оставил кожу на берегу, а сам бросился в воду, выдувая носом пузыри.

Парс увидел, что кожа носорога лежит на берегу, и засмеялся от радости. Он три раза проплясал вокруг неё, потирая руки. Затем он вернулся на свой бивуак и наполнил шляпу до краёв крошками пирога — парсы едят только пироги и никогда не подметают своего жилья. Он взял кожу носорога, хорошенько встряхнул её и насыпал в неё сколько мог сухих колючих крошек и пережжённых коринков. Затем он взобрался на вершину пальмы и принялся ждать, когда носорог вылезет из воды и станет надевать кожу.

Носорог вылез, напялил кожу и застегнул её на все три пуговицы, но крошки страшно щекотали его. Он попробовал почесаться — вышло ещё хуже. Тогда он стал кататься по земле, а крошки щекотали всё больше и больше. Он вскочил, подбежал к пальме и принялся тереться об её ствол. Тёрся он до тех пор, пока кожа не сдвинулась крупными складками на его плечах, ногах и в том месте, где были пуговицы, которые от трения поотскакивали. Он страшно злился, но крошки удалить никак не мог, потому что они находились под кожей и не могли не щекотать его. Он ушёл в свои дебри, не переставая почёсываться. С того дня у каждого носорога бывают складки на коже и дурной характер, а всё из-за того, что у них остались под кожей крошки.

Что касается парса, то он слез со своей пальмы, надел шляпу, от которой лучи солнца отражались с чисто сказочным великолепием, взял подмышку свою жаровню и пошёл куда глаза глядят.

КАК ВЕРБЛЮД ПОЛУЧИЛ СВОЙ ГОРБ

В этой сказке я расскажу вам, как верблюд получил свой горб.

В начале веков, когда мир только возник и животные только принимались работать на человека, жил верблюд. Он обитал в Ревущей пустыне, так как не хотел работать и к тому же сам был ревуном. Он ел листья, шипы, колючки, молочай и ленился напропалую. Когда кто-нибудь обращался к нему, он фыркал: «Фрр...» — и больше ничего.

В понедельник утром пришла к нему лошадь с седлом на спине и удилами во рту. Она сказала:

— Верблюд, а верблюд! Иди-ка возить вместе с нами.

— Фрр... — ответил верблюд.

Лошадь ушла и рассказала об этом человеку.

Затем явилась собака с палкой в зубах и сказала:

— Верблюд, а верблюд! Иди-ка служи и носи вместе с нами.

— Фрр... — ответил верблюд.

Собака ушла и рассказала об этом человеку.

Затем явился вол с ярмом на шее и сказал:

— Верблюд, а верблюд! Иди пахать землю вместе с нами.

— Фрр... — ответил верблюд.

Вол ушёл и рассказал об этом человеку.

В конце дня человек призвал к себе лошадь, собаку и вола и сказал им:

— Знаете, мне очень жаль вас. Верблюд в пустыне не желает работать, ну и шут с ним! Зато вы вместо него должны работать вдвое.

Такое решение очень рассердило троих трудолюбивых животных, и они собрались для совещания где-то на краю пустыни. Там к ним подошёл верблюд, пережёвывая молочай, и стал смеяться над ними. Потом он сказал: «Фрр...» — и удалился.

Вслед за тем появился повелитель всех пустынь Джинн в целом облаке пыли (Джинны, будучи волшебниками, всегда путешествуют таким способом). Он остановился, прислушиваясь к совещанию троих.

— Скажи нам, владыка пустынь, Джинн, — спросила лошадь, — справедливо ли, чтобы кто-нибудь ленился и не хотел работать?

— Конечно, нет, — ответил Джинн.

— Так вот, — продолжала лошадь, — в глубине твоей Ревущей пустыни живёт зверь с длинной шеей и длинными ногами, сам ревун. С утра понедельника он ещё ничего не делал. Он совсем не хочет работать.